

АЙВЕНГО
ЛАММЕРМУРСКАЯ
НЕВЕСТА

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3892-3

9 786171 238923

ВАЛЬТЕР СКОТТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВАЛЬТЕР
СКОТТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Waltonford

ВАЛЬТЕР
СКОТТ

Собрание сочинений
в одной книге

УДК 821.111(411)
ББК 84(4Вел)
С44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Вступительная статья *С. Чумакова*

Комментарии *А. Бельского, М. Шерешевской,
М. Рабинович, П. Топера*

Перевод с английского
*Е. Бекетовой («Айвенго»),
В. Тимирязева («Ламмермурская невеста»)*

Дизайнер обложки *Татьяна Волошина*

ISBN 978-617-12-3892-3

- © ООО «РИЦ Литература»,
составление, 2013
- © Nemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», художе-
ственное оформление, 2017

Вальтер Скотт и великие читатели

Один из современников Вальтера Скотта однажды сказал, что в его романах видно, что такое английская история, и как много значит, когда «подлинному писателю она достается в наследство». Он перечислил, в чем достоинства и новизна прозы В. Скотта, главной темой которой стала бурная, воинственная история Шотландии и Англии: в его романах «все великолепно» — материал, сюжет, характеры, не говоря уж «о бесконечном усердии в подготовке к роману и великой правде каждой детали». Скотт открыл в литературе новый жанр — исторический роман — и преуспел в нем.

Сегодня даже трудново представить себе, что до Вальтера Скотта романов, ярко повествующих о событиях и нравах далекого прошлого, не существовало, а были «Хроники», «Мемуары» и разного рода «Записки».

Вальтер Скотт родился 15 августа 1771 г. в столице Шотландии Эдинбурге в семье известного юриста. Отец мечтал о том, чтобы Вальтер унаследовал его престижную профессию. Сын выполнил пожелание отца, закончил юридический факультет и совершил успешную карьеру, достигнув должности одного из секретарей Высшего суда Шотландии. Он не оставлял службу до конца своих дней, даже став всемирно известным писателем.

Молодой юрист увлекся творчеством немецких поэтов-романтиков. Он боготворил Иоганна Вольфганга Гёте, и первыми его литературными опытами стали переводы стихотворений великого немецкого поэта и мыслителя... Затем начал собирать народные баллады своей суровой

и воинственной родины и в 1802 г. издал сразу два тома фольклорных произведений под общим названием «Песни шотландской границы». Эта своеобразная антология принесла ему известность. Как бы венчая свое увлечение фольклором, он пишет поэму «Песнь последнего менестреля». Уже в этой поэме проявились лучшие черты таланта Вальтера Скотта: дар рассказчика, умеющего о самих серьезных вещах говорить с легкой иронией и скрытой сочувственной улыбкой, способность сочетать реалии жизни и вымысел, так что совершенно незаметен «шов», их разделяющий, любовь к тематике, связанной с романтическим и героическим прошлым англо-шотландской границы. Восторженные любители литературы в Эдинбурге решили присвоить Вальтеру Скотту звание поэта-лауреата, но тот отказался, ибо считал литературу просто одним из своих увлечений, а за увлечения награждать не стоит. Но увлечение литературой поглощало все больше времени. Последовал цикл поэм на исторические темы, в том числе «Мармион», сделавший имя провинциального поэта известным в континентальной Европе. Эту поэму, основанную на преданиях XVI в., повествующую о любви рыцаря Мармиона к монахине Кларе, пересказал для русского читателя поэт В. А. Жуковский.

Можно только удивляться неумной энергии этого судейского чиновника. Неоднократные путешествия по туманным горам и долинам Шотландии, увлечение конным спортом, служба в добровольческом полку во время войн с Наполеоном... Он организует издательство и выпускает более семидесяти книг, в том числе 19-томное Собрание сочинений Дж. Свифта, становится одним из основателей еженедельника «Куотер ревью».

...А на английском поэтическом небосклоне тем временем все ярче светила звезда Джорджа Гордона Байрона. После публикации первых глав его «Паломничества Чайльд Гарольда» Вальтер Скотт решил, что в поэзии ему делать больше нечего. Причина «переключения» на прозу,

конечно же, была значительно глубже. Скотту стало тесно в рамках поэзии. Ему нужны были широта и простор романа для более полной и глубокой обрисовки эпохи, быта, характеров и нравов прошедших времен. Еще в 1805 г. он начал писать роман «Уэверли» из жизни первой половины XVIII в. Сочинил треть, увлекся чем-то другим и отложил рукопись в долгий ящик, позабыв о ней. Лишь через девять лет Скотт обнаружил рукопись и показал ее своему издателю. Тот верно оценил роман как нечто новое, готовое явиться в английскую литературу, и предложил автору весьма приличное вознаграждение. На это Вальтер Скотт ответил: «Если роман хорош, то этого мало, если плох — слишком много». Издатель рискнул, увеличил ставку, автор же всего за двадцать дней (!) дописал недостающие две трети. В процессе такой скорописи он правил лишь отдельные слова, фразы, ибо все до мельчайших бытовых деталей им было продумано. Не перечитывая разбухшую рукопись, он отнес ее издателю. На всякий случай «шотландский бард» решил выпустить свое первое прозаическое произведение анонимно.

В июле 1814 г. роман вышел в свет. Автору было 43 года. За оставшиеся восемнадцать лет жизни он напишет тридцать романов. Все они, говоря современным языком, станут бестселлерами. Но до 1827 г. он будет издавать свои романы анонимно, хотя эта «безымянность» очень скоро станет секретом Полишинеля. Завершив рукопись, он никогда не будет возвращаться к ней, потому что в волшебном зеркале его таланта будут нетерпеливо ожидать своей очереди другая эпоха, другие герои, другие конфликты, другой сюжет.

Свободная форма романа позволила Вальтеру Скотту полностью раскрыть свой редкостный талант рассказчика, глубже и достовернее обрисовывать характеры героев, логику их поступков, материальные приметы эпохи, вплоть до пряжек на башмаках. Он считал, что человеческая природа всегда и всюду одинакова, только в разные эпохи те или иные черты ее проявляются по-разному.

В начале XIX в. в Европе вспыхнул интерес к Средневековью. В России этот интерес зажег Н. М. Карамзин своей «Историей государства Российского». Вальтер Скотт воскресил прошлое. Он вызвал из забвения дух рыцарства, распахнул многоплановую панораму былых времен, сделал читателя участником великолепных праздников, турниров, битв, знакомил с романтическими лесными разбойниками и суровыми воинами в кирасах из буйволово́й кожи, с тяжелыми мечами в руках. Длина вереница его героев: от короля Ричарда Львиное Сердце и верного рыцаря юноши Айвенго до нескольких поколений шотландских кланов, наделенных чертами членов клана самого Вальтера Скотта, о котором он писал в «Автобиографии»: «У каждого шотландца имеется родословная. Это есть его достояние, столь же неотъемлемое, как его гордость и его бедность...»

И нет никакого преувеличения в оценке творчества Вальтера Скотта, принадлежащей русскому критику В. Г. Белинскому:

«В начале XIX века явился новый великий гений, проникнутый его духом, который dokonчил соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю... Когда мы читаем исторический роман, то как бы делаемся современниками эпохи, гражданами стран, в которых совершаются события романа...»

Многие писатели XIX в. — золотого века мировой литературы — были увлеченными читателями и почитателями романов Вальтера Скотта. Прислушаемся к оценкам некоторых из них, поверим их безукоризненному вкусу.

«Великий старец» Иоганн Вольфганг Гёте в беседах с друзьями нередко заводил речь о творчестве Вальтера Скотта. Летом 1828 г. вышел его очередной роман «Пертская красавица». Уже в сентябре того же года эту книгу Гёте прочитал и рекомендовал друзьям. Что же привлекло его внимание?

— И как это написано! — восклицал Гёте. — Как он владеет стилем! Абсолютно четкий план и ни единого

штриха, который бы не вел к цели. А детали каковы! И в диалоге, и в описательной части — везде проникает высокое искусство; отдельные персонажи поражают жизненной правдой.

В марте 1831 г. Гёте (ему уж минуло 79 лет) увлекся романом «Айвенго». И тут же поделился своими впечатлениями с друзьями:

— Читаю «Айвенго». Великий талант, не имеющий себе равных, и, право, неудивительно, что он производит такое впечатление на читающий мир. Он дает мне обильную пищу для размышлений, и в нем мне открывается совсем новое искусство, имеющее свои собственные законы.

Гёте решил перечитать все лучшие романы Вальтера Скотта. Следующим на очереди стал «Роб Рой», о котором он также не мог не поделиться своими впечатлениями с друзьями. Но когда Гёте спросили, почему он не доверит свои мысли о творчестве шотландца бумаге, тот ответил:

— О высоком мастерстве этого писателя очень трудно высказываться публично.

Во Франции одним из поклонников Вальтера Скотта был Оноре де Бальзак. «Он им восхищался столько же из-за его таланта, сколько и за деловитость, с которой тот сумел добиться успеха», — вспоминала сестра Бальзака Лора Сюрвиль.

— Я также историк, но историк современного, — говорил Бальзак. — То, что сделал Скотт для Средних веков, мне хотелось бы, по силам моим, сделать для жизни настоящей...

В России романы Вальтера Скотта становились известны столь же быстро, как во Франции или германских княжествах. А. С. Пушкин, прозябавший в ссылке в селе Михайловском, просил Л. С. Пушкина прислать ему «все новое Вальтера Скотта». Пушкин в это время работал над драмой «Борис Годунов» и позже говорил об определенном влиянии, оказанном чтением романов Вальтера Скотта на работу над драмой.

«Борис имеет большой успех, — писал он одному из своих друзей, — странная вещь, непонятная вещь... Что тому причиной? Чтение Вальтера Скотта? Голос знатоков?..»

Среди «знатоков» Вальтера Скотта был и царственный цензор Пушкина — император Николай I. Он на рукописи «Годунова» лично начертил высочайшее предложение автору переделать «комедию в повесть или роман наподобие Вальтера Скотта». Пушкин не исполнил волю монарха.

Сам Пушкин точно чувствовал влияние Вальтера Скотта на современников. В отклике на повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» он отметил: «...коего начало достойно Вальтера Скотта». Но добавил с гордостью за своего собрата по перу: «Гоголь идет еще вперед...»

«Гоголь любил Вальтера Скотта просто с художнической точки зрения, — свидетельствует его современник П. В. Анненков, — за удивительное распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел многосложное событие ко всем его результатам».

Отзвуки увлечения Скоттом донесло и творчество М. Ю. Лермонтова. Для характеристики душевного состояния Печорина накануне дуэли М. Ю. Лермонтов прибег к... Вальтеру Скотту. Ночь напролет Печорин проводит за чтением одного из его романов: «То была “Шотландская пуританка”. Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом... Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга? Наконец рассвело, нервы мои успокоились...» Кто знает, может быть, и сам Лермонтов перед своей последней несчастной дуэлью также листал томик Вальтера Скотта?.. Ведь образ Печорина из «Героя нашего времени» так автобиографичен...

А вот о чем вспоминает брат Ф. М. Достоевского:

«В руках брата Федя чаще всего видел Вальтера Скотта: “Квентин Дорвард” и “Веверлея” — у нас были собственные экземпляры. И вот их-то он перечитывал неоднократно».

но... Такому же чтению и перечитыванию подвергались и произведения Пушкина».

Глубокий знаток тайн человеческого сердца, подобно Лермонтову, как бы призвал себе в союзники Вальтера Скотта и его роман «Ивангоэ» (так в то время переводили название романа «Айвенго»). Чтение героиней «Белых ночей» Настенькой именно этого романа пробудило страстную душу девушки. И она сбежала к своему петербургскому Айвенго.

...С каждым новым романом росла популярность Вальтера Скотта. Он затеял дешевые, массовые, «для простых людей» издания своих произведений. До 1825 г. во всех начинаниях ему способствовала удача. Всемирное признание. Невиданные для того времени тиражи романов на основных европейских языках. Богатство. Он приобрел обширное имение и построил напоминающий замок дом Абботсфорд, набив его антиквариатом и вещественными свидетельствами героического прошлого своей родины.

Но в 1825 г. грянул финансовый кризис. Издательство, с которым тесно сотрудничал знаменитый писатель, должно было кредиторам 120 тысяч фунтов стерлингов — гигантская по тем временам сумма. Вальтер Скотт мог бы, как говорится, умыть руки, ведь его доля в этом долге была небольшой. Но рыцарственный шотландец не мог оставить в беде коллег и друзей. Он решил своим литературным трудом погасить долг!

...Его рабочий кабинет в Абботсфорде был на первом этаже. Со двора через окно виднелся уголок письменного стола. Один из служителей вспоминал, что когда бы он ни проходил мимо этого окна — утром, днем, поздним вечером при свечах, — он видел одно и то же: отраженную в зеркале руку, торопливо заполнявшую листы ровным, четким почерком, почти без исправлений... Бывали дни, когда он успевал написать сорок-пятьдесят страниц. В среднем он создавал по два романа в год, но, кроме того, написал «Жизнь Наполеона» в девяти томах, два тома

«Истории Шотландии», несколько книг по оккультным наукам... Все деньги уходили на выплату долга и содержание семьи.

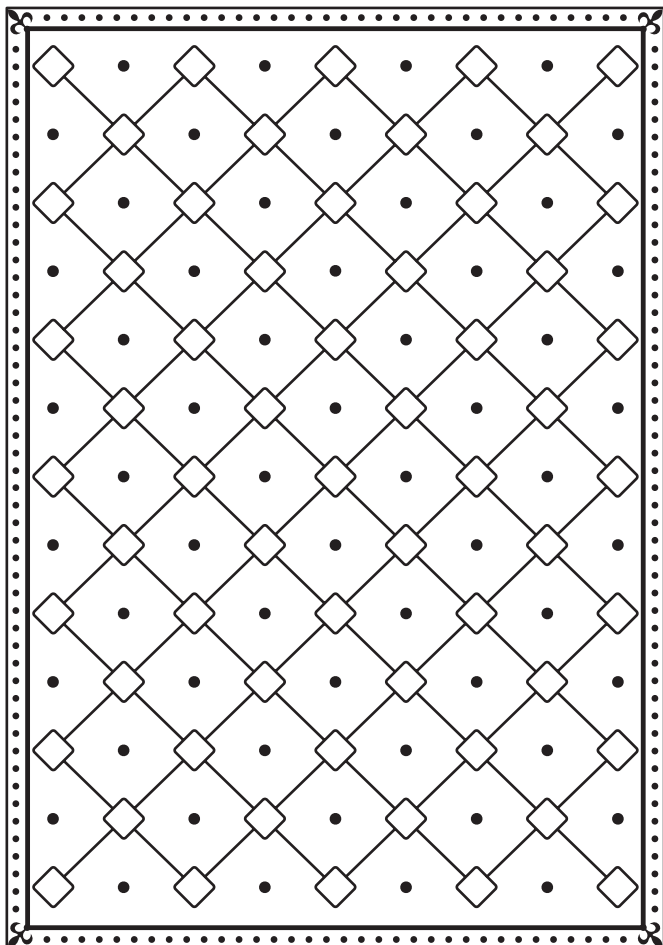
Такое перенапряжение не могло пройти бесследно. В начале 1830-х гг. его поразили три апоплексических удара подряд. Врачи уговорили его поехать на лечение в южные страны. Королева Англии выделила для путешествия специальный корабль. Больной писатель отправился было в Италию, но в пути почувствовал, что конец близок, и попросил вернуться домой. 21 сентября Вальтер Скотт шагнул в бессмертие, ценою жизни он сохранил честь и достоинство. Так, как он их понимал.

...В конце XIX в. издательской деятельностью занялся американский писатель Марк Твен. Из-за оплошности коллег он оказался на грани банкротства.

- Как же вы поступили? — спросили Марка Твена.
- Так же, как Вальтер Скотт.
- А как поступил Вальтер Скотт?
- Так же, как я...

С. Чумаков

Айвенго

Предисловие

До сих пор автор «Уэверли» неизменно пользовался успехом у читателей и в избранной им области литературы мог по праву считаться баловнем судьбы. Однако было ясно, что, слишком часто появляясь в печати, он в конце концов должен был исчерпать благосклонность публики, если бы не изобрел способа придать видимость новизны своим последующим произведениям. Прежде для оживления повествования автор обращался к шотландским нравам, шотландскому говору и шотландским характерам, которые были ему ближе всего знакомы. Но такая односторонность, несомненно, должна была привести его к некоторому однообразию и повторениям и заставила бы наконец читателя заговорить языком Эдвина из «Повести» Парнелла:

Кричит он: «Прекрати рассказ!
Уже довольно! Хватит с нас!
Брось фокусы свои!»¹

Нет ничего опаснее для репутации профессора изящных искусств (если только в его возможностях избежать этого), чем приклеенный к нему ярлык художника-маньериста или предположение, что он способен успешно творить лишь в одном и весьма узком плане. Публика вообще склонна считать, что художник, заслуживший ее симпатии за какую-нибудь одну своеобразную композицию, именно благодаря своему дарованию не способен взяться за другие темы. Публика недоброжелательно относится к тем, кто ее развлекает, когда они пробуют разнообразить используемые

---

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены В. Ивановым.

ими средства; это проявляется в отрицательных суждениях, высказываемых обычно по поводу актеров или художников, которые осмелились испробовать свои силы в новой области, для того чтобы расширить возможности своего искусства.

В этом мнении есть доля правды, как и во всех общепринятых суждениях. В театре часто бывает, что актер, обладающий всеми внешними данными, необходимыми для совершенного исполнения комедийных ролей, лишен из-за этого возможности надеяться на успех в трагедии. Равным образом и в живописи и в литературе художник или поэт часто владеет лишь определенными изобразительными средствами и способами передачи некоторых настроений, что ограничивает их в выборе предметов для изображения. Но гораздо чаще способности, доставившие человеку популярность в одной области, обеспечивают ему успех и в других. Это в значительно большей степени относится к литературе, чем к театру или живописи, потому что здесь автор в своих исканиях не ограничен ни особенностями своих черт лица, ни телосложением, ни навыками в использовании кисти, соответствующими лишь известному роду сюжетов.

Быть может, эти рассуждения и неправильны, но, во всяком случае, автор чувствовал, что, если бы он ограничился исключительно шотландскими темами, он не только должен был бы надоесть читателям, но и чрезвычайно сузил бы возможности, которыми располагал для доставления им удовольствия. В высокопросвещенной стране, где столько талантов ежемесячно занято развлечением публики, свежая тема, на которую автору посчастливилось натолкнуться, подобна источнику в пустыне:

Хваля судьбу, в нем люди видят счастье.

Но когда люди, лошади, верблюды и рогатый скот замутят этот источник, его вода становится противной тем, кто только что пил ее с наслаждением, а тот, кому принад-

лежит заслуга открытия этого источника, должен найти новые родники и тем самым обнаружить свой талант, если он хочет сохранить уважение своих соотечественников.

Если писатель, творчество которого ограничено кругом определенных тем, пытается поддержать свою репутацию, подновляя сюжеты, которые уже доставили ему успех, его, без сомнения, ожидает неудача. Если руда еще не вся добыта, то, во всяком случае, силы рудокопа неизбежно истощились. Если он в точности подражает прозаическим произведениям, которые прежде ему удавались, он обречен «удивляться тому, что они больше не имеют успеха».

Если он пробует по-новому подойти к прежним темам, он скоро понимает, что уже не может писать ясно, естественно и изящно, и вынужден прибегнуть к карикатурам, для того чтобы добиться необходимого очарования новизны. Таким образом, желая избежать повторений, он лишается естественности.

Быть может, нет необходимости перечислять все причины, по которым автор шотландских романов, как их тогда называли, попытался написать роман на английскую тему. В то же время он намеревался сделать свой опыт возможно более полным, представив публике задуманное им произведение как создание нового претендента на ее симпатии, чтобы ни малейшая степень предубеждения, будь то в пользу автора или против него, не воспрепятствовала беспристрастной оценке нового романа автора «Уэверли», но впоследствии он оставил это намерение по причинам, которые изложит позднее.

Автор избрал для описания эпоху царствования Ричарда I*: это время богато героями, имена которых способны привлечь общее внимание, и вместе с тем отмечено резкими противоречиями между саксами, возделывавшими землю, и норманнами, которые владели этой землей в качестве завоевателей и не желали ни смешиваться с побежденными, ни признавать их людьми своей породы. Мысль об этом противопоставлении была взята из трагедии

талантливого и несчастного Логана* «Руннемед», посвященной тому же периоду истории; в этой пьесе автор увидел изображение вражды саксонских и норманнских баронов. Однако, сколько помнится, в этой трагедии не было сделано попытки противопоставить чувства и обычаи обоих этих племен; к тому же было очевидно, что изображение саксов как еще не истребленной воинственной и высокомерной знати было грубым насилием над исторической правдой.

Ведь саксы уцелели именно как простой народ; правда, некоторые старые саксонские роды обладали богатством и властью, но их положение было исключительным по сравнению с униженным состоянием племени в целом. Автору казалось, что, если бы он выполнил свою задачу, читатель мог бы заинтересоваться изображением одновременного существования в одной стране двух племен: побежденных, отличавшихся простыми, грубыми и прямыми нравами и духом вольности, и победителей, замечательных стремлением к воинской славе, к личным подвигам — ко всему, что могло сделать их цветом рыцарства, и эта картина, дополненная изображением иных характеров, свойственных тому времени и той же стране, могла бы заинтересовать читателя своей пестротой, если бы автор, со своей стороны, оказался на высоте положения.

Однако последнее время именно Шотландия служила по преимуществу местом действия так называемого исторического романа, и вступительное послание мистера Лоренса Темплтона тем самым становится здесь уместным.

Что касается этого предисловия, то читатель должен рассматривать его как выражение мнений и намерений автора, предпринявшего этот литературный труд с той оговоркой, что он далек от мысли, что ему удалось достичь конечной цели. Едва ли необходимо добавить, что здесь не было намерения выдавать предполагаемого мистера Темплтона за действительное лицо. Однако недавно каким-то анонимным автором были сделаны попытки написать про-

должение «Рассказов трактирщика». В связи с этим можно предположить, что это посвящение будет принято за такую же мистификацию и поведет любопытных по ложному следу, заставляя их думать, что перед ними произведение нового претендента на успех.

После того как значительная часть этой книги была закончена и напечатана, издатели, которым казалось, что она должна иметь успех, выступили против того, чтобы произведение появилось в качестве анонимного. Они утверждали, что книгу нельзя лишать преимущества, заключающегося в ее принадлежности перу автора «Уэверли». Автор не очень стойко сопротивлялся им, так как он начал думать вместе с доктором Уилером (из прекрасной повести мисс Эджуорт «Ловкость»), что «хитрость, прибавленная к хитрости», может вывести из терпения снисходительную публику, которая может подумать, что автор пренебрегает ее милостями.

Поэтому книга появилась просто как один из романов Уэверли, и было бы неблагодарностью со стороны автора не отметить, что она была принята так же благосклонно, как и предыдущие его произведения.

Примечания, которые могут помочь читателю разобраться в характере еврея, тамплиера, капитана наемников, или, как они назывались, вольных товарищей, и проч., даны в сжатой форме, так как все сведения по этому предмету могут быть найдены в книгах по всеобщей истории.

Тот эпизод романа, который имел успех у многих читателей, заимствован из сокровищницы старинных баллад. Я имею в виду встречу короля с монахом Туком в келье этого веселого отшельника. Общая канва этой истории встречается во все времена и у всех народов, соревнующихся друг с другом в описании странствий переодетого монарха, который, спускаясь из любопытства или ради развлечений в низшие слои общества, встречается с приключениями, занятными для читателя или слушателя

благодаря противоположности между подлинным положением короля и его наружностью. Восточный сказочник повествует о путешествиях переодетого Харуна ар-Рашида с его верными слугами, Месруром и Джафаром, по ночным улицам Багдада; шотландское предание говорит о сходных подвигах Иакова V*, принимавшего во время таких походов дорожное имя хозяина Балленгейха, подобно тому как повелитель верующих*, когда он желал оставаться инкогнито, был известен под именем Иль Бондокани. Французские менестрели не уклонились от столь распространенной темы. Должен существовать норманнский источник шотландской стихотворной повести «*Rauf Colziar*», в которой Карл предстает в качестве безвестного гостя угольщика, — как будто и другие произведения этого рода были подражаниями указанной повести.

В веселой Англии народным балладам на эту тему нет числа. Стихотворение «Староста Джон», упомянутое епископом Перси* в книге «Памятники старой английской поэзии», кажется, посвящено подобному случаю; кроме того, имеются «Король и Бамвортский дубильщик», «Король и Мэнсфилдский мельник» и другие сочинения на ту же тему. Но произведение этого рода, которому автор «Айвенго» особенно обязан, на два века старше тех, что были упомянуты выше.

Впервые оно было опубликовано в любопытном собрании памятников древней литературы, составленном соединенными усилиями сэра Эгертона Бриджа и мистера Хейзлвуда, вышедшем в виде периодического издания под названием «Британский библиограф». Отсюда он был перепечатан достопочтенным Чарлзом Генри Хартшорном, издателем весьма интересной книги, озаглавленной «Старинные повести в стихах, напечатанных главным образом по первоисточникам, 1829 г.». Мистер Хартшорн не указывает для интересующего нас отрывка никакого другого источника, кроме публикации «Библиографа», озаглавленной «Король и отшельник». Краткий пересказ содержания

этого отрывка покажет его сходство с эпизодом встречи короля Ричарда с монахом Туком.

Король Эдуард (не указывается, какой именно из монархов, носивших это имя, но, судя по характеру и привычкам, мы можем предположить, что это Эдуард IV*) отправился со всем своим двором на славную охоту в Шервудские леса, где, как это часто случается с королями в балладах, он напал на след необычайно большого и быстрого оленя; король преследовал его до тех пор, пока не потерял из виду свою свиту и не замучил собак и коня. С приближением ночи король очутился один в сумраке огромного леса. Охваченный беспокойством, естественным в таком положении, король вспомнил рассказы о том, что бедняки, которые боятся остаться ночью без крова, молятся святому Юлиану, считающемуся, согласно католическому календарю, главным квартирмейстером, доставляющим убежище всем сбившимся с дороги путникам, которые почитают его должным образом. Эдуард помолился и, очевидно благодаря заступничеству этого святого, набрел на узкую тропу, которая привела его к келье отшельника, стоящей у лесной часовни. Король услышал, как благочестивый муж вместе с товарищем, разделявшим его одиночество, перебирал в келье четки, и смиренно попросил у них приюта на ночь.

— Мое жилище не подходит для такого господина, как вы, — сказал отшельник. — Я живу здесь в глуши, питаюсь корнями и корой и не могу принять у себя даже самого жалкого бродягу, разве что речь шла бы о спасении его жизни.

Король осведомился о том, как ему попасть в ближайший город. Когда он понял, что дорогу туда он мог бы найти только с большим трудом, даже если бы ему помогала дневная свет, он заявил: как отшельнику угодно, а он, король, решил стать его гостем на эту ночь.

Отшельник согласился, намекнув, однако, что если бы он не был в монашеском одеянии, то не обратил бы

внимания на угрозы, и что уступил бы не из страха, а просто чтобы не допустить бесчинства.

Короля впустили в келью. Ему дали две охапки соломы, чтобы он мог устроиться поудобнее. Он утешался тем, что теперь у него есть кров и что

Наступит скоро день.

Но в госте пробуждаются новые желания. Он требует ужина, говоря:

Прошу вас помнить об одном:
Что б ни было со мною днем,
Всегда я веселился ночью.

Но хотя он и сказал, что знает толк в хорошей еде, а также объяснил, что он придворный, заблудившийся во время большой королевской охоты, ему не удалось вытянуть у скупого отшельника ничего, кроме хлеба и сыра, которые не были для него особенно привлекательны; еще менее приемлемым показался ему «трезвый напиток». Наконец король стал требовать от хозяина, чтобы тот ответил на вопрос, который гость несколько раз безуспешно задавал ему:

Дичь ты не умеешь бить?
Этого не может быть!
В славных ты живешь местах;
Как уйдет лесничий спать,
Можешь вволю дичь стрелять.
Здесь олени есть в лесах.
Я б с тобой поспорить мог,
Что отличный ты стрелок,
Хоть, конечно, ты монах.

В ответ на это отшельник выражает опасение, не хочет ли гость вырвать у него признание в том, что он нарушал лесные законы; а если бы такое признание дошло до коро-

ля, оно могло бы стоить монаху жизни. Эдуард уверяет отшельника, что он сохранит тайну, и снова требует, чтобы тот достал оленину. Отшельник возражает ему, ссылаясь на свои монашеские обеты, и продолжает отвергать подобные подозрения:

Я питаюсь молоком,
А с охотой незнаком,
Хоть живу здесь много дней.
Грейся перед очагом,
Тихо спи себе потом,
Рясою укрыт моей.

По-видимому, рукопись здесь неисправна, потому что нельзя понять, что же, в конце концов, побуждает неговорчивого монаха удовлетворить желание короля. Но, признав, что его гость — на редкость «славный малый», святой отец вытаскивает все лучшее, что припрятано в его келье. На столе появляются две свечи, освещающие белый хлеб и пироги; кроме того, подается соленая и свежая оленина, от которой они отрезают лакомые куски. «Мне пришлось бы есть хлеб всухомятку, — сказал король, — если бы я не выпросил у тебя твоей охотничьей добычи. А теперь я бы поужинал по-царски, если бы только у нас нашлось что выпить».

Гостеприимный отшельник соглашается и на это и приказывает службе извлечь из тайника подле его постели бочонок в четыре галлона, после чего все трое приступают к основательной выпивке. Этой попойкой руководит отшельник, который следит за тем, чтобы особо торжественные слова повторялись всеми участниками пирушки по очереди перед каждым стаканом; с помощью этих веселых восклицаний они упорядочивали свои возлияния, подобно тому как в новое время это стали делать с помощью тостов. Один пьяница говорит «Fusty bondias»¹, другой должен ответить «Ударь пантеру»; монах отпустил немало

¹ Набор слов, не имеющий смысла.

шуток насчет забывчивости короля, который иногда забывал слова этого святого обряда.

В таких забавах проходит ночь. Наутро, расставаясь со своим почтенным хозяином, король приглашает его ко двору, обещая отблагодарить за гостеприимство и выражая полное удовлетворение оказанным ему приемом. Веселый монах соглашается явиться ко двору и спросить Джека Флетчера (этим именем назвался король). После того как отшельник показал королю свое искусство в стрельбе из лука, веселые приятели расстаются. Король отправляется домой и по дороге находит свою свиту. Баллада дошла до нас без окончания, и поэтому мы не знаем, как раскрывается истинное положение вещей; по всей вероятности, это происходит так же, как и в других произведениях сходного содержания: хозяин ждет казни за вольное обращение с монархом, скрывшим свое имя, и приятно поражен, когда вместо этого получает почести и награды.

В собрании мистера Хартшорна имеется баллада на тот же сюжет под названием: «Король Эдуард и пастух»; с точки зрения описания нравов она гораздо интереснее «Короля и отшельника»; но приводить ее не входит в наши задачи. Читатель уже познакомился с первоначальной легендой, из которой мы заимствовали этот эпизод романа, и отождествление грешного монаха с братом Туком из истории Робина Гуда должно показаться ему вполне естественным.

Имя Айвенго было подсказано автору старинным стихотворением. Всем романистам случалось высказывать пожелание, подобное восклицанию Фальстафа*, который хотел бы узнать, где продаются хорошие имена. В подобную минуту автор случайно вспомнил стихотворение, где упоминались названия трех поместий, отнятых у предка знаменитого Хемпдена в наказание за то, что он ударил Черного принца* ракеткой, поссорившись с ним во время игры в мяч:

Тогда был в наказанье взят
У Хемпдена поместий ряд:
Тринг, Винг, Айвенго. Был он рад
Спасться ценой таких утрат.

Это имя соответствовало замыслу автора в двух отношениях: во-первых, оно звучит на староанглийский лад; во-вторых, в нем нет никаких указаний относительно характера произведения. Последнему обстоятельству автор придавал большое значение. Так называемые «захватывающие» заглавия прежде всего служат интересам книгопродавцев или издателей, которые с помощью этих заглавий продают книгу прежде, чем она вышла из печати. Но автор, допустивший, чтобы к его еще не изданному произведению было искусственно привлечено внимание публики, ставит себя в затруднительное положение: если, возбудив всеобщие ожидания, он не сможет их удовлетворить, это может стать роковым для его литературной славы. Кроме того, встречая такое заглавие, как «Пороховой заговор»* или какое-нибудь другое, связанное со всемирной историей, всякий читатель еще до того, как он увидит книгу, составляет себе определенное представление о том, как должно развиваться повествование и какое удовольствие оно ему доставит. По всей вероятности, читатель будет обманут в своих ожиданиях, и в таком случае он осудит автора или его произведение, причинившее ему разочарование. В этом случае писателя осуждают не за то, что он не попал в намеченную им самим цель, а за то, что он не пустил стрелу в том направлении, о котором и не помышлял. Опираясь на непринужденность отношений, которые автор завязал с читателями, он может, между прочим, упомянуть о том, что Окинлекская рукопись, приводящая имена целой орды норманнских баронов, подсказала ему чудовищное имя Фрон де Беф.

«Айвенго» имел большой успех при появлении и, можно сказать, дал автору право самому предписывать себе законы, так как с этих пор ему позволяется изображать

в создаваемых им сочинениях как Англию, так и Шотландию.

Образ прекрасной еврейки возбудил сочувствие некоторых читательниц, которые обвинили автора в том, что, определяя судьбу своих героев, он предназначил руку Уилфреда не Ревекке, а менее привлекательной Ровене. Но, не говоря уже о том, что предрассудки той эпохи делали подобный брак почти невозможным, автор позволяет себе попутно заметить, что временное благополучие не возвышает, а унижает людей, исполненных истинной добродетели и высокого благородства. Читателем романов является молодое поколение, и было бы слишком опасно преподносить им роковую доктрину, согласно которой чистота поведения и принципов естественно согласуется или неизменно вознаграждается удовлетворением наших страстей или исполнением наших желаний. Словом, если добродетельная и самоотверженная натура обделена земными благами, властью, положением в свете, если на ее долю не достается удовлетворение внезапной и несчастной страсти, подобной страсти Ревекки к Айвенго, то нужно, чтобы читатель был способен сказать: поистине добродетель имеет особую награду. Ведь созерцание великой картины жизни показывает, что самоотречение и пожертвование своими страстями во имя долга редко бывают вознаграждены и что внутреннее сознание исполненных обязанностей дает человеку подлинную награду — душевный покой, который никто не может ни отнять, ни дать.

Эбботсфорд, 1 сентября 1830 года

Посвящение достопочтенному д-ру Драйездасту Ф. А. С. В Касл-Гейт, Йорк

Многоуважаемый и дорогой сэръ!

Едва ли необходимо перечислять здесь разнообразные, но чрезвычайно веские соображения, побуждающие меня поместить Ваше имя перед нижеследующим произведением. Однако, если мой замысел не увенчается успехом, основная из этих причин может отпасть. Если бы я мог надеяться, что эта книга достойна Вашего покровительства, читатели сразу поняли бы полную уместность посвящения труда, в котором я пытаюсь изобразить быт старой Англии и в особенности быт наших саксонских предков, ученому автору очерков о Роге короля Ульфуса и о землях, пожертвованных им престолу св. Петра.

Однако я сознаю, что поверхностное, далеко не удовлетворительное и упрощенное изложение результатов моих исторических разысканий на страницах этого романа ставит мое сочинение гораздо ниже тех, которые носят гордый девиз: *Detur digniori*¹. Напротив, я боюсь подвергнуться осуждению за самонадеянность, помещая достойное, уважаемое всеми имя д-ра Джонаса Драйездаста на первых страницах книги, которую более серьезные знаменитости старины поставят на одну доску с современными пустыми романами и повестями. Мне было бы очень желательно снять с себя это обвинение, потому что, хотя я и надеюсь заслужить снисхождение в Ваших глазах, рассчитывая на Вашу дружбу, мне бы отнюдь не хотелось быть обвиненным читателями в столь серьезном проступке, который предвидит мое боязливое воображение.

Поэтому я хочу напомнить Вам, что, когда мы впервые совместно обсуждали этого рода произведения, в одном

---

¹ Да будет дано достойнейшему (*лат.*).

из которых так не деликатно затронуты частные и семейные дела Вашего ученого северного друга мистера Олтбока из Монкбарнса, у нас возникли разногласия относительно причин популярности этих произведений в наш пустой век. Каковы бы ни были их многочисленные достоинства, нужно согласиться, что все они написаны чрезвычайно небрежно и нарушают все законы эпических произведений.

Тогда Вы, казалось, придерживались мнения, что весь секрет очарования заключается в искусстве, с которым автор, подобно второму Макферсону, использует сокровища старины, разбросанные повсюду, обогащая свое вялое и скудное воображение готовыми мотивами из недавнего прошлого родной страны и вводя в рассказ действительно существующих людей, порою даже не изменяя имен.

Вы отмечали, что не прошло еще шестидесяти-семидесяти лет с тех пор, как весь север Шотландии находился под управлением, почти таким же простым и патриархальным, как управление наших добрых союзников мохоков и ирокезов. Признавая, что сам автор мог и не быть уже свидетелем событий того времени, Вы указывали, что он все же должен был общаться с людьми, которые жили и страдали в ту эпоху. Но уже за последние тридцать лет нравы Шотландии претерпели такие глубокие изменения, что сами шотландцы смотрят на нравы и обычаи своих прямых предков, как мы на нравы времен царствования королевы Анны или даже времен Революции. При таких условиях единственное, что могло бы, по Вашему мнению, смутить автора, при наличии огромного количества отдельных фактов и материалов, — это трудность выбора. Поэтому не было ничего удивительного, что, начав разрабатывать столь богатую жилу, он получил от своих работ выгоду и славу, не оправдываемые сравнительной легкостью его труда.

Соглашаясь в общем с правильностью Вашей точки зрения, я не могу не удивляться тому, что до сих пор никто не попытался возбудить интерес к преданиям и нра-

вам старой Англии, тогда как по отношению к нашим бедным и менее знаменитым соседям мы имеем целый ряд таких попыток.

Зеленое сукно, несмотря на то, что оно древнее, должно, конечно, быть не менее дорого нашему сердцу, чем пестрый тартан северянину. Имя Робин Гуда, если с умом им воспользоваться, может так же воодушевлять, как и имя Роб Роя, а английские патриоты заслуживают не меньших похвал в нашей среде, чем Брюс и Уоллес в Каледонии. Если южные пейзажи не так романтичны и величественны, как северные горные ландшафты, то зато они превосходят их своей мягкой и спокойной красотой. Все это дает им право воскликнуть вместе с патриотом Сирии: «Не прекрасней ли всех рек Израиля Фарфар и Авана, реки Дамаска?»*

Ваши возражения против такого рода попыток, дорогой доктор, если Вы разрешите напомнить, были двоякими. С одной стороны, Вы настаивали на преимуществах шотландцев, в чьей стране еще совсем недавно существовал тот самый быт, который должен был служить фоном для развивающегося действия. Еще и теперь многие хорошо помнят людей, которые не только видели знаменитого Роя Мак-Грегора, но и пировали и даже сражались вместе с ним. Все мельчайшие подробности, относящиеся к частной жизни и быту того времени, все, что придает правдоподобие рассказу и своеобразие выведенным характерам, — все это хорошо знают и помнят в Шотландии. Напротив, в Англии цивилизация уже давно достигла такого высокого уровня, что единственным источником сведений о наших предках стали старые летописи, авторы которых как бы сговорились замалчивать все интересные подробности для того, чтобы дать место цветам монашеского красноречия и избитым рассуждениям о морали. Вы утверждали, что было бы несправедливо равнять английских и шотландских писателей, соперничающих в воплощении и оживлении преданий своих стран. Вы говорили,

что шотландский волшебник, подобно лукановской колдунье, может свободно бродить по еще свежему полю битвы, выбирая, чтобы воскресить своим колдовством, те тела, где только что трепетала жизнь и на чьих устах только что замерли последние стоны.

А ведь сама могущественная Эрихто должна была выбирать именно таких мертвецов, ибо только их могло воскресить ее искусное волшебство:

...gelidas leto scrutata medullas,
Pulmonis rigidi stantes sine vulnere fibras
Invenit, et vocem defuncto in corpore quaerit¹.

А в то же время английскому писателю, — будь он столь же могуществен, как Северный Волшебник, — предоставлено в поисках своих сюжетов рыться в пыли веков, где ничего нельзя найти, кроме сухих, безжизненных, истлевших и разметанных костей, подобных тем, какими была усеяна Иосафатова долина. С другой стороны, Вы выражали опасения, что лишённые патриотизма предрассудки моих земляков не позволяют им справедливо оценить то произведение, возможность успеха которого мне хотелось доказать. Это обстоятельство, говорили Вы, лишь отчасти обусловлено всеобщим предпочтением иностранного своему; оно зависит еще также от той особой обстановки, в которой находится английский читатель.

Если Вы будете рассказывать ему о первобытном состоянии общества и диких нравах, существующих в горной Шотландии, он охотно согласится со всеми Вашими рассказами. И это вполне понятно. Рядовой читатель либо вообще никогда не бывал в этих отдаленных районах, либо проезжал эти пустынные области во время своих летних поездок. Плохие обеды, убогие ночлеги, нищета и разо-

---

¹ ...роясь во внутренностях, замороженных смертью, она находит застывшие не от раны волокна окоченевшего легкого и ищет голос в мертвом теле (*лат.*).

рение, встречаемые на каждом шагу, достаточно подготовили его к самым необыкновенным рассказам о необузданном, своеобразном народе, так хорошо гармонирующем с диким пейзажем. Но тот же самый уважаемый читатель, очутившись в своей уютной гостиной, окруженный комфортом английского семейного очага, будет не особенно склонен выслушивать рассказы о том, что его предки вели совершенно иной образ жизни, что покачнувшаяся башня, виднеющаяся из его окна, некогда принадлежала барону, который не задумываясь вздернул бы его на воротах его собственного дома без всякого суда, что батраки, работающие в его маленьком поместье, два или три века тому назад были бы его рабами и что неограниченная власть феодальной тирании простиралась на соседнюю деревушку, где сейчас адвокат играет более видную роль, чем землевладелец.

Хоть я и понимаю всю серьезность этих возражений, однако должен сознаться, что они не кажутся мне решающими. Конечно, недостаток материала трудно преодолимое препятствие, но кому же, как не д-ру Драйездасту, знать, что для тех, кто умеет хорошо читать и любить нашу старину, мелкие указания на нравы и обычаи наших предков разбросаны повсюду, в различных исторических трудах; конечно, они представляют совсем ничтожный процент по отношению ко всему содержанию этих сочинений, но все же, собранные вместе, они могут пролить свет на *vie privée*¹ наших предков. Конечно, сам я могу потерпеть неудачу в предпринятом труде. Однако я убежден, что более упорные поиски подходящего материала и более удачное использование найденного всегда обеспечат успех способному художнику, как это показывают труды доктора Генри, покойного мистера Стратта, а более всего мистера Шерона Тернера. И потому я заранее протестую против каких бы то ни было общих выводов в случае неудачи настоящего опыта.

---

¹ Частная жизнь (*фр.*).

Но повторяю: если мне удастся нарисовать правдивую картину старых английских нравов, я хочу надеяться, что добродушие и здравый смысл моих соотечественников обеспечат мне благоприятный прием.

Ответив, насколько было возможно, на Ваши первые возражения или, по крайней мере, высказав твердое намерение преодолеть все трудности, о которых Вы меня предупредали, я хочу сказать несколько слов о том, что более непосредственно относится к моему произведению. Вы, по-видимому, придерживаетесь мнения, что сама профессия исследователя старины, занимающегося трудными, как принято утверждать, кропотливыми и мелочными изысканиями, делает его неспособным создать занимательный рассказ из этого материала. Разрешите мне сказать, дорогой доктор, что это возражение имеет скорее формальный характер, нежели касается существа дела. Конечно, подобные легкомысленные произведения не гармонируют со строгим умонастроением нашего друга мистера Олтбока. Однако Гораций Уолпол сумел написать леденящий кровь рассказ о нечистой силе, а Джорджу Эллису удалось вложить живое очарование юмора, столь же восхитительного, как и своеобразного, в свои переложения древних стихотворений. Так что если мне придется пожалеть о своей смелости, я могу сослаться в свое оправдание на уважаемых предшественников.

Все же строгий историк может подумать, что, перемишывая таким образом правду с вымыслом, я засоряю чистые источники истории современными измышлениями и внушаю подрастающему поколению ложное представление о веке, который описываю. Соглашаясь лишь в незначительной степени со справедливостью этих суждений, я попытаюсь противопоставить им следующие соображения.

Правда, я не могу, да и не пытаюсь, сохранить абсолютную точность даже в вопросе о костюмах, не говоря уже о таких более существенных моментах, как язык и нравы.

Но те же причины, которые не позволяют мне передавать диалоги моего романа на англосакском или франконорманнском языке или предложить его публике напечатанным шрифтом Кэкстона или Винкен де Ворда, мешают мне строго придерживаться рамок того времени, в котором происходит действие.

Для того чтобы пробудить в читателе хоть некоторый интерес, необходимо изложить избранную Вами тему языком и в манере той эпохи, в какую Вы живете. Ни одно произведение восточной литературы не пользовалось таким успехом, как первый перевод арабских сказок мистром Гэлландом: сохранив дикость восточного вымысла вместе с пышными восточными костюмами, он ввел в них простые чувства и естественные поступки героев, что сделало их интересными и понятными для всех; а в то же время он сократил растянутые эпизоды и однообразные рассуждения и отбросил бесконечные повторения арабского оригинала. Конечно, в таком виде рассказы меньше отзываются Востоком, но зато значительно больше соответствуют потребностям европейского рынка; благодаря этому они вызвали такое одобрение, какого никогда бы не заслужили, если бы по своей форме и стилю не были до известной степени приспособлены к чувствам и привычкам западных читателей. Учитывая вкусы толпы, которая, я надеюсь, с жадностью набросится на эту книгу, я постарался в такой мере переложить старые нравы на язык современности и так подробно развить характеры и чувства моих героев, чтобы современный читатель не испытывал никакого утомления от сухого изображения неприкрашенной старины. Но я считаю, что, приспособляясь к этим вкусам, я не превысил здесь прав и полномочий автора художественного произведения.

Талантливый писатель — покойный мистер Стратт в своем романе «Куинху-холл» действовал по другому принципу: противопоставляя старину современности, он, казалось, совершенно забыл о нравах и чувствах, общих как для

наших предков, так и для нас самих — частью полученных нами по наследству, частью же в такой мере общечеловеческих по своей природе, что их существование во все эпохи не подлежит никакому сомнению. Исключив из своей работы все, что недостаточно старо, чтобы быть чуждым и забытым, этот человек, обладавший огромной эрудицией и талантом, тем самым лишил свое произведение значительной доли общедоступности. Права художника на некоторую вольность в обращении с материалом, которые я отстаиваю, настолько важны для успешного осуществления моего замысла, что я буду умолять Вас терпеливо выслушать мои дальнейшие доказательства.

Тот, кто впервые открывает сочинения Чосера* или какого-нибудь другого старого поэта, до такой степени пугается при виде устарелого правописания бесчисленных согласных и старого языка вообще, что в отчаянии откладывает эту книгу, как слишком загроможденную обломками древних развалин и потому чересчур трудную для понимания ее достоинства и восприятия ее красот. Но если умный и образованный друг укажет ему, что пугающие его трудности только кажущиеся, если он прочтет это произведение вслух, если он заменит старинное правописание знакомых слов современным, — он докажет своему ученику, что, быть может, только одна десятая слов в этой книге действительно вышла из употребления. Таким образом, начинающего легко будет уговорить подойти к «источнику чисто английского» с полной уверенностью, что при небольшом терпении он вскоре сможет наслаждаться тем юмором и пафосом, которыми старый Джефри восхищал век Креси и Пуатье.

Пойдем дальше. Предположим, что наш неопит в своем новоявленном увлечении древностью попытается подражать тому, что вызывает его восхищение; он поступит крайне неразумно, если извлечет из словаря устарелые слова и будет пользоваться ими вместо слов и выражений, употребительных в наши дни. Именно такие ошибки нередко совершал Чаттертон. Стараясь придать своему языку старинный харак-

тер, он отбросил все современные слова и создал наречие, не имевшее ничего общего ни с одним из тех, на которых когда-либо говорили в Великобритании. Тот, кто хочет подражать старинному языку, должен уловить общий характер его грамматических форм, выражений, оборотов, принципов сочетания слов, а отнюдь не изоощряться в выискивании редкостных и устарелых слов. Как я уже говорил, в произведениях старых авторов устаревшие слова встречаются гораздо реже, чем слова, до сих пор употребительные, но взятые с измененным значением и с иной орфографией. Отношение между ними равно приблизительно одному к десяти.

Все, что я говорил о языке, тем более применимо для изображения чувств и нравов. Важнейшие человеческие страсти во всех своих проявлениях, а также и источники, которые их питают, общи для всех сословий, состояний, стран и эпох; отсюда с несомненностью следует, что хотя данное состояние общества влияет на мнения, образ мыслей и поступки людей, эти последние по самому своему существу чрезвычайно сходны между собой. Наши предки отличались от нас, конечно, не более, чем еврей отличается от христианина. «Разве у них нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина?»* Поэтому их чувства и страсти по своему характеру и по своей напряженности приближаются к нашим. И когда автор приступает к роману или другому художественному произведению, вроде того, какое я решился написать, то оказывается, что материал, которым он располагает, как языковой, так и исторически-бытовой, в такой же мере принадлежит современности, как и эпохе, избранной им для изображения. Это обстоятельство предоставляет автору свободу выбора и облегчает его задачу в большей мере, чем кажется на первый взгляд. Возьмем пример из области смежного искусства. Можно сказать, что

в картинах антикварные детали придают ландшафту специфические черты. Феодалный замок должен возвышаться во всем своем величии, художник должен изображать людей в костюмах и позах, свойственных эпохе; местность, которую художник избрал для изображения, должна быть передана со всеми своими особенностями, с возвышающимися утесами или стремительным падением водопада. Колорит также должен отличаться естественностью. Небо должно быть ясным или облачным, соответственно климату, а краски именно теми, которые преобладают в самой натуре.

В этих пределах законы искусства вынуждают художника строго следовать природе. Но вовсе не обязательно, чтобы он погружался в воспроизведение мельчайших черт оригинала, чтобы он с совершенной точностью изображал траву, цветы и деревья, украшающие местность. Все это, так же как и детали распределения света и тени, принадлежит любому месту действия, естественно для любой страны и потому может быть подсказано личными вкусами и пристрастиями художника.

Правда, этот произвол всегда строго ограничен. Художник должен избегать всех тех красивых подробностей, которые не соответствуют климатическим или географическим особенностям изображаемого пейзажа: не следует сажать кипарисы на Меррейских островах или шотландские ели среди развалин Персеполиса; такого же рода ограничениям подлежит и писатель. Писатель может себе позволить обрисовать чувства и страсти своих героев гораздо подробнее, чем это имеет место в старинных хрониках, которым он подражает, но, как бы далеко он тут ни зашел, он не должен вводить ничего не соответствующего нравам эпохи; его рыцари, лорды, оруженосцы и йомены могут быть изображены более подробно и живо, нежели в сухом и жестком рассказе старинной иллюстрированной рукописи, но характер и внешнее обличье эпохи должны оставаться неприкосновенными; все эти фигуры должны остаться теми же, но только нарисован-

ными более искусным карандашом или, чтобы быть скромнее, должны соответствовать требованиям эпохи с более развитым пониманием задач искусства. Язык не должен быть сплошь устарелым и неудобным, но он, по возможности, должен избегать оборотов явно новейшего происхождения. Одно дело — вводить в произведение слова и чувства, общие у нас с нашими предками, другое дело — наделять предков речью и чувствами, свойственными исключительно их потомкам.

Именно это, дорогой друг, оказалось самой трудной частью моей задачи; и, откровенно говоря, я почти не имею надежды Вас удовлетворить; ведь я едва кажусь приемлемым для самого себя, тогда как Ваши суждения гораздо менее пристрастны, а Ваши познания в области истории гораздо обширнее моих. Полагаю, что поведение и внешний облик моих героев заслужат немало упреков со стороны лиц, расположенных строго разбирать мою повесть, учитывая нравы того времени, когда жили ее герои. Возможно, что я ввел мало таких бытовых черт и поступков, которые можно было бы назвать явно современными; но, с другой стороны, весьма возможно, что я смешал нравы двух или трех столетий и приписал царствованию Ричарда I явления, имевшие место либо гораздо раньше, либо значительно позже изображенного мною времени. Я утешаюсь тем, что ошибки такого рода ускользнут от внимания среднего читателя и что я смогу разделить незаслуженный успех с теми архитекторами, которые, без всякой системы и правил, не задумываясь вводили в модную готику орнаменты, свойственные различным стилям и различным периодам искусства. Те же читатели, которым их обширные научные изыскания позволят строго судить мои промахи, проявят известную снисходительность именно в силу своего понимания всей трудности моей задачи. Мой почтенный, но находящийся в пренебрежении друг Ингульфус доставил мне много ценных указаний; но свет, излучаемый Кройдонским монахом и Джефри де Винсау*, затемнен

таким нагромождением неинтересного и неудобопонятно-го материала, что я с радостью обратился за помощью к страницам любезного Фруассара*, хотя он и процветал в эпоху, весьма отдаленную от описываемых мною событий. Но если, дорогой друг, Вы все же будете достаточно великодушны, чтобы простить мне самонадеянную попытку сплести себе венок менестреля частью из чистейших жемчужин древности, частью из бристольских подделок, которыми я пытался подменить настоящие, я убежден, что Ваше понимание трудностей моей задачи примирит Вас с несовершенством ее выполнения. О материалах мне остается сказать немного: они все содержатся в одной англо-норманнской рукописи; сэра Артур Уорддор ревностно хранит ее в третьем ящике своего дубового стола; он никому не позволяет к ней прикоснуться, сам же не в силах прочесть из нее ни одного слова. Во время моего пребывания в Шотландии я никогда не получил бы разрешения надолго углубиться в эти драгоценные страницы, если бы не обещал отметить ее каким-нибудь необыкновенным шрифтом под именем «рукопись Уорддора», выделив ее тем самым из всех других и придав ей такую же значительность, какой обладают рукописи Бэннетайн, Окинлек и другие памятники терпения средневековых переписчиков. Я послал Вам для ознакомления оглавление этой любопытной вещи, которое я с Вашего разрешения приложу к третьему тому моего романа, если только дьявол книгопечатания все еще не будет удовлетворен после набора всего моего произведения.

Прощайте, дорогой друг, я сказал достаточно для того, чтобы объяснить, если не оправдать, мою попытку. Несмотря на Ваши сомнения и мою собственную неспособность, я все еще хочу надеяться, что эта попытка сделана мною не напрасно. Я надеюсь, что Вы уже оправились после весеннего припадка подагры, и буду счастлив, если Ваши ученые врачи посоветуют Вам поездку в здешние края. Недавно при раскопках возле стен древнего Габ-

танкума были найдены интересные древности. Кстати, Вы, вероятно, уже знаете, что грубый, неотесанный невежда уничтожил старинную статую или, вернее, барельеф, известный под названием Робина из Ридесдаля. По-видимому, слава Робина привлекала слишком много посетителей и помешала росту вереска на болоте, стоящем по шилингу за акр. Достопочтенный сэръ, как Вы себя сами именуете, будьте раз в жизни мстительны и молитесь вместе со мной, чтобы у этого человека появились камни в печени такой величины, как если бы все обломки бедного Робина скопились у него в этом органе. Не рассказывайте об этом в Гэте, не подавайте шотландцам повода радоваться тому, что наконец их соседи совершили поступок столь же варварский, как уничтожение Артуровой печи. Но нет конца сетованиям, когда речь заходит о таких вещах. Передайте мой почтительный привет мисс Драйездаст. Во время моего последнего пребывания в Лондоне я пытался подобрать по ее поручению очки; надеюсь, что она получила их в сохранности и что они оказались подходящими. Я посылаю это письмо с нарочным, и оно, вероятно, задержится в пути. По последним известиям из Эдинбурга джентльмен, занимающий место секретаря Общества любителей шотландской старины, — лучший в королевстве любитель-рисовальщик, и можно многого ожидать от его усердия и искусства в области реставрации образцов национальных памятников либо разрушаемых медленным действием времени, либо сметенных духом современности при помощи той же разрушительной метлы, какой пользовался Джон Нокс во время реставрации.

Еще раз прощайте: *vale tandem, non immemor mei*¹. Остаюсь, достопочтенный сэръ, Вашим покорным слугой.

*Лоренс Темплтон Топингвуд, близ Эгремонта,
Камберленд, 17 ноября 1817 года*

---

¹ Прощай, но не забывай меня (*лат.*).

Глава I

Они беседовали той порой,
Когда стада с полей брели домой,
Когда, наевшись, но не присмирив,
Шли свиньи с визгом нехотя
в свой хлев.

«Одиссея» (в перев. А. Поупа)

В той живописной местности веселой Англии, которая орошается рекою Дон, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие большую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером. Остатки этих огромных лесов и поныне видны вокруг дворянских замков Уэнтворт, Уорнклиф-парк и близ Ротерхема. По преданию, здесь некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь происходили ожесточенные битвы во время междоусобных войн Алой и Белой розы; и здесь же в старину собирались ватаги тех отважных разбойников, подвиги и деяния которых прославлены в народных песнях.

Таково главное место действия нашей повести, по времени же описываемые в ней события относятся к концу царствования Ричарда I, когда возвращение короля из долгого плена казалось отчаявшимся подданным, которые подвергались бесконечным притеснениям знати, событием желанным, но уже невозможным. Феодалы, получившие непомерную власть в царствование Стефана*, но вынужденные подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II*, теперь снова бесчинствовали, как в прежние времена; пренебрегая слабыми попытками английского государственного совета ограничить их произвол, они укрепляли свои замки, увеличивали число вассалов, призывали к повиновению и вассальной зависимости всю округу; каждый феодал стремился собрать и возглавить такое войско, которое дало бы ему возможность стать

влиятельным лицом в приближающихся государственных потрясениях.

Чрезвычайно непрочным стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, франклинов, которые, согласно букве и духу английских законов, должны были бы сохранять свою независимость от тирании крупных феодалов. Франклины могли обеспечить себе на некоторое время спокойное существование, если они, как это большей частью и случалось, прибегали к покровительству одного из влиятельных вельмож их окружи, или входили в его свиту, или же обязывались по соглашениям о взаимной помощи и защите поддерживать феодала в его военных предприятиях; но в этом случае они должны были жертвовать своей свободой, которая так дорога сердцу каждого истого англичанина, и подвергались опасности оказаться вовлеченными в любую опрометчивую затею их честолюбивого покровителя. С другой стороны, знатные бароны, располагавшие могущественными и разнообразными средствами притеснения и угнетения, всегда находили предлог для того, чтобы травить, преследовать и довести до полного разорения любого из своих менее сильных соседей, который попытался бы не признать их власти и жить самостоятельно, думая, что его безопасность обеспечена лояльностью и строгим подчинением законам страны.

Завоевание Англии норманнским герцогом Вильгельмом* значительно усилило тиранию феодалов и усугубило страдания низших сословий. Четыре поколения не смогли смешать воедино враждебную кровь норманнов и англосаксов или примирить общностью языка и взаимными интересами ненавидящие друг друга народности, из которых одна все еще упивалась победой, а другая страдала от последствий своего поражения. После битвы при Гастингсе* власть полностью перешла в руки норманнских дворян, которые отнюдь не отличались умеренностью. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать

были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов. Короли непрестанно стремились законными и противозаконными мерами ослабить ту часть населения, которая испытывала врожденную ненависть к завоевателям. Все монархи норманнского происхождения оказывали явное предпочтение своим соплеменникам; охотничьи законы и другие предписания, отсутствовавшие в более мягком и более либеральном саксонском уложении, легли на плечи побежденных, еще увеличивая тяжесть и без того непосильного феодального гнета.

При дворе и в замках знатнейших вельмож, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода, говорили исключительно по-норманно-французски; на том же языке велось судопроизводство во всех местах, где отправлялось правосудие. Словом, французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между землевладельцами и порабощенным народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени, заключающий в себе счастливое смешение языка победителей с наречием побежденных и с тех пор столь обогатившийся заимствованиями из классических и так называемых южноевропейских языков.

Я счел необходимым сообщить читателю эти сведения, чтобы напомнить ему, что хотя история англосаксонского народа после царствования Вильгельма II* не отмечена никакими значительными событиями вроде войн или мятежей, все же раны, нанесенные завоеванием, не за-

живали вплоть до царствования Эдуарда III*. Велики национальные различия между англосаксами и их победителями; воспоминания о прошлом и мысли о настоящем бередили эти раны и способствовали сохранению границы, разделяющей потомков победоносных норманнов и побежденных саксов.

Солнце садилось за одной из покрытых густой травой просек леса, о котором уже говорилось в начале этой главы. Сотни развесистых, с невысокими стволами и широко раскинутыми ветвями дубов, которые, быть может, были свидетелями величественного похода древнеримского войска, простирали свои узловатые руки над мягким ковром великолепного зеленого дерна. Местами к дубам примешивались бук, остролист и подлесок из разнообразных кустарников, разросшихся так густо, что они не пропускали низких лучей заходящего солнца; местами же деревья расступались, образуя длинные, убегающие вдаль аллеи, в глубине которых теряется восхищенный взгляд, а воображение создает еще более дикие картины векового леса. Пурпурные лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь листву, отбрасывали то рассеянный и дрожащий свет на поломанные сучья и мшистые стволы, то яркими и сверкающими пятнами ложились на дерн. Большая поляна посреди этой просеки, вероятно, была местом, где друиды* совершали свои обряды. Здесь возвышался холм такой правильной формы, что казался насыпанным человеческими руками; на вершине сохранился неполный круг из огромных неотесанных камней. Семь из них стояли стоймя, остальные были свалены руками какого-нибудь усердного приверженца христианства и лежали частью поблизости от прежнего места, частью — разбросанные по склону. Только один огромный камень скатился до самого низа, преградив течение небольшого ручья, пробивавшегося у подножия холма, — он заставлял чуть слышно рокотать его мирные и тихие струи.

Два человека оживляли эту картину; судя по их одежде и внешности, они принадлежали к числу простолюдинов, населявших в те далекие времена лесной район западного Йоркшира. Старший из них был человек угрюмый и свирепый на вид. Одежда его состояла из одной кожаной куртки, сшитой из дубленой шкуры какого-то зверя мехом вверх; от времени мех так вытерся, что по немногим оставшимся клочкам невозможно было определить, какому животному он принадлежал. Это первобытное одеяние покрывало своего хозяина от шеи до колен и заменяло ему все части обычной одежды. Ворот был так широк, что куртка надевалась через голову, как наши рубашки или старинная кольчуга. Чтобы кожух плотнее прилегал к телу, его перетягивал широкий кожаный пояс с медной застежкой. К поясу была привешена с одной стороны сумка, с другой — бараний рог с дудочкой. За поясом торчал длинный широкий нож с роговой рукояткой; такие ножи выделялись тут же, по соседству, и были известны уже тогда под названием шеффилдских. На ногах у этого человека были башмаки, похожие на сандалии, с ремнями из медвежьей кожи, а более тонкие и узкие ремни обвивали икры, оставляя колени обнаженными, как принято у шотландцев. Голова его была ничем не защищена, кроме густых спутанных волос, выцветших от солнца и принявших темно-рыжий, ржавый оттенок и резко отличавшихся от светло-русой, скорей даже янтарного цвета, большой бороды. Нам остается только отметить одну очень любопытную особенность в его внешности, но она так примечательна, что нельзя пропустить ее без внимания: это было медное кольцо вроде собачьего ошейника, наглухо запаянное на его шее. Оно было достаточно широко для того, чтобы не мешать дыханию, но в то же время настолько узко, что снять его было возможно, только распилив пополам. На этом своеобразном воротнике было начертано саксонскими буквами:

*«Гурт, сын Беовульфа, прирожденный раб
Седрика Ротервудского».*

Возле свинопаса (ибо таково было занятие Гурта) на одном из поваленных камней друидов сидел человек, который выглядел лет на десять моложе первого. Наряд его напоминал одежду свинопаса, но отличался некоторой причудливостью и был сшит из лучшего материала. Его куртка была выкрашена в ярко-пурпурный цвет, а на ней намалеваны какие-то пестрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинут непомерно широкий и очень короткий плащ из малинового сукна, изрядно перепачканного, отороченный ярко-желтой каймой. Его можно было свободно перекинуть с одного плеча на другое или совсем завернуться в него, и тогда он падал причудливыми складками, драпируя его фигуру. На руках у этого человека были серебряные браслеты, а на шее — серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Он носил такие же башмаки, что и его товарищ, но ременную плетенку заменяло нечто вроде гетр, из которых одна была красная, а другая желтая. К его шапке были прикреплены колокольчики величиной не более тех, которые подвязывают охотничьим соколам; каждый раз, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно. Твердый кожаный околыш этой шапки был вырезан по верхнему краю зубцами и сквозным узором, что придавало ему сходство с короной пэра; изнутри к околышу был пришит длинный мешок, кончик которого свешивался на одно плечо, подобно старомодному ночному колпаку, треугольному ситу или головному убору современного гусара. По шапке с колокольчиками, да и самой форме ее, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех домашних клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи в своих домах, чтобы

как-нибудь скоротать время, по необходимости проводимое в четырех стенах.

Подобно своему товарищу, он носил на поясе сумку, но ни рога, ни ножа у него не было, так как предполагалось, вероятно, что он принадлежит к тому разряду человеческих существ, которым опасно давать в руки колющее или режущее оружие. Взамен всего этого у него была деревянная шпага наподобие той, которой арлекин на современной сцене производит свои фокусы.

Выражение лица и поведение этих людей было не менее различно, чем их одежда. Лицо раба или крепостного было угрюмо и печально; судя по его унылому виду, можно было подумать, что его мрачность делает его ко всему равнодушным, но огонь, иногда загоравшийся в его глазах, говорил о таившемся в нем понимании своей угнетенности и о стремлении к сопротивлению. Наружность Вамбы, напротив того, обличала присущее людям этого рода рассеянное любопытство, крайнюю непоседливость и подвижность, а также полное довольство своим положением и своей внешностью. Они вели беседу на англосаксонском наречии, на котором, как уже говорилось раньше, в ту пору изъяснялись в Англии все низшие сословия, за исключением норманнских воинов и ближайшей свиты феодальных владык. Однако приводить их разговор в оригинале было бы бесполезно для читателя, не знакомого с этим диалектом, а потому мы позволим себе привести его в дословном переводе.

— Святой Витольд, прокляни ты этих чертовых свиней! — проворчал свинопас после тщетных попыток собрать разбежавшееся стадо пронзительными звуками рога. Свиньи отвечали на его призыв не менее мелодичным хрюканьем, однако нисколько не спешили расстаться с роскошным угощением из буковых орехов и желудей или покинуть топкие берега ручья, где часть стада, зарывшись в грязь, лежала врастяжку, не обращая внимания на окрики своего пастуха.

— Разрази их, святой Витольд! Будь я проклят, если к ночи двуногий волк не задерет двух-трех свиней. Сюда, Фангс! Эй, Фангс! — закричал он во весь голос мохнатой собаке, не то догу, не то борзой, не то помеси борзой с шотландской овчаркой. Собака, прихрамывая, бегала кругом и, казалось, хотела помочь своему хозяину собрать непокорное стадо.

Но то ли не понимая знаков, подаваемых свинопасом, то ли забыв о своих обязанностях, то ли по злому умыслу пес разгонял свиней в разные стороны, тем самым увеличивая беду, которую он как будто намеревался исправить.

— А, чтоб тебе черт вышиб зубы! — ворчал Гурт. — Провалиться бы этому лесничему. Стрижет когти нашим собакам, а после они никуда не годятся. Будь другом, Вамба, помоги. Зайди с той стороны холма и пугни их оттуда. За ветром они сами пойдут домой, как ягнята.

— Послушай, — сказал Вамба, не трогаясь с места. — Я уже успел посоветоваться по этому поводу со своими ногами: они решили, что таскать мой красивый наряд по трясине было бы с их стороны враждебным актом против моей царственной особы и королевского одеяния. А потому, Гурт, вот что я скажу тебе: покличь-ка Фангса, а стадо предоставь его судьбе. Не все ли равно, повстречаются ли твои свиньи с отрядом солдат, или с шайкой разбойников, или со странствующими богомольцами! Ведь к утру свиньи все равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

— Как же так — свиньи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.

— Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах? — спросил Вамба.

— Свиньи, дурак, свиньи, — отвечал пастух. — Это всякому дураку известно.

— Правильно, «суайн» — саксонское слово. А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, расчечена на части и повешена за ноги, как изменник?

— Порк*, — отвечал свинопас.

— Очень рад, что и это известно всякому дураку, — заметил Вамба. — А «порк», кажется, норманно-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.

— А ты послушай, что я тебе скажу еще, — продолжал Вамба в том же духе. — Вот, например, старый наш олдермен* бык: покуда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «окс», когда же он оказывается перед знатым господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф. Таким же образом и теленок «каф» — делается месье де Во*: пока за ним нужно присматривать — он сакс, но когда он нужен для наслаждения — ему дают норманнское имя.

— Клянусь святым Дунстаном, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы бы не выполнили работу, сваленную на наши плечи. Что повкусней да пожирнее, то к их столу; женщин покрасивее на их ложе; лучшие и храбрейшие из нас должны служить в войсках под началом чужеземцев и устилать своими костями дальние страны, а здесь мало кто остается, да и у тех нет ни сил, ни желания защищать несчастных саксов. Дай бог здоровья нашему хозяину Седрику за то, что он постоял за нас, как подобает мужественному воину; только вот на днях прибудет в нашу сторону Реджинальд Фрон де Беф, тогда и увидим, чего

стоят все хлопоты Седрика... Сюда, сюда! — крикнул он вдруг, снова возвышая голос. — Вот так, хорошенько их, Фангс! Молодец, всех собрал в кучу.

— Гурт, — сказал шут, — по всему видно, что ты считаешь меня дураком, иначе ты не стал бы совать голову в мою глотку. Ведь стоит мне намекнуть Реджинальду Фрон де Бефу или Филиппу де Мальвуазену, что ты ругаешь норманнов, вмиг тебя вздернут на одно из этих деревьев. Вот и будешь качаться для острастки всем, кто вздумает поносить знатных господ.

— Пес! Неужели ты способен меня выдать? Сам же ты вызвал меня на такие слова! — воскликнул Гурт.

— Выдать тебя? Нет, — сказал шут, — так поступают умные люди, где уж мне, дураку... Но тише... Кто это к нам едет? — прервал он сам себя, прислушиваясь к конскому топоту, который раздавался уже довольно явно.

— А тебе не все равно, кто там едет? — спросил Гурт, успевший тем временем собрать все свое стадо и гнавший его вдоль одной из сумрачных просек.

— Нет, я должен увидеть этих всадников, — отвечал Вамба. — Может быть, они едут из волшебного царства с поручением от короля Оберона...*

— Замолчи! — перебил его свинопас. — Охота тебе говорить об этом, когда тут под боком страшная гроза с громом и молнией. Послушай, какие раскаты. А дождь-то! Я в жизни не видывал летом таких крупных и отвесных капель. Посмотри, ветра нет, а дубы трещат и стонут, как в бурю. Помолчи-ка лучше, да поспешим домой, прежде чем налетит гроза! Ночь будет страшной.

Вамба, по-видимому, постиг всю силу этих доводов и последовал за своим товарищем, который взял длинный посох, лежавший возле него на траве, и пустился в путь. Этот новейший Эвмей* торопливо шел к опушке леса, подгоняя с помощью Фангса пронзительно хрюкающее стадо.

Глава II

Монах был
монастырский ревизор,
Наездник страстный,
он любил охоту
И богомолье — только не работу,
И хоть таких аббатов и корят,
Но превосходный
был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пряжками брэнчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой
тратил он, как свой¹.

Чосер

Конский топот все приближался, и, несмотря на увещевания и брань своего спутника, Вамба, которому не терпелось поскорее увидеть всадников, то и дело останавливался под разными предложениями: то рвал с высокого куста незрелые орехи, то заглядывался на проходившую мимо деревенскую девицу — и поэтому всадники довольно скоро настигли их.

Кавалькада состояла из десяти человек; двое, ехавшие впереди, были, по-видимому, важные особы, а остальные — их слуги. Сословие и звание одной из этих особ нетрудно было установить: это было, несомненно, духовное лицо высокого ранга. На нем была одежда монаха-францисканца, сшитая из прекрасной материи, что противоречило уставу этого ордена; плащ с капюшоном из самого лучшего фламандского сукна, ниспадая красивыми широкими складками, облекал его статную, хотя и немного полную фигуру.

Его лицо так же мало говорило о смирении, как и одежда — о презрении к мирской роскоши. Черты его лица были бы приятны, если бы глаза не блестели из-под на-

---

¹ Перевод И. Кашкина.

висших век тем лукавым эпикурейским огоньком, который изобличает осторожного сластолюбца. Впрочем, профессия и положение приучили его так владеть собой, что при желании он мог придать своему лицу торжественность, хотя от природы оно выражало благодущие и снисходительность. Вопреки монастырскому уставу, равно как и эдиктам пап и церковных соборов, одежда его была роскошна: рукава плаща у этого духовного сановника были подбиты и оторочены дорогим мехом, а мантия застегивалась золотой пряжкой, и вся орденская одежда была столь изысканна и нарядна, как в наши дни платья красавиц квакерской секты: они сохраняют положенные им фасоны и цвета, но выбором материалов и их сочетанием умеют придать своему туалету кокетливость, свойственную светскому тщеславию.

Почтенный прелат ехал верхом на сытом, шедшем иноходью муле, сбруя которого была богато украшена, а уздечка, по тогдашней моде, увешана серебряными колокольчиками. В посадке прелата не было заметно монашеской неуклюжести — напротив, осанка отличалась грацией и уверенностью хорошего наездника. Казалось, что как ни приятна была спокойная иноходь мула, как ни роскошно его убранство, все же щеголеватый монах пользовался таким скромным средством передвижения только для переездов по большой дороге. Один из служителей-мирян, составлявших его свиту, вел в поводу превосходного испанского жеребца, на котором монах выезжал в торжественных случаях. В те времена купцы с величайшим для себя риском и бесконечными затруднениями вывозили из Андалузии таких лошадей, бывших в моде у богатых и знатных вельмож. Седло и сбруя на этом великолепном коне были покрыты длинной попоной, спускавшейся почти до самой земли и расшитой изображениями крестов и иных церковных эмблем. Другой служитель вел в поводу вьючного мула, нагруженного, вероятно, поклажей настоятеля; двое монахов того же ордена, но низших степеней, ехали позади

всех, пересмеиваясь, оживленно разговаривая и не обращая никакого внимания на остальных всадников.

Спутником духовной особы был человек высокого роста, старше сорока лет, худощавый, сильный и мускулистый. Его атлетическая фигура вследствие постоянных упражнений, казалось, состояла из одних костей, мускулов и сухожилий; видно было, что он перенес множество тяжелых испытаний и готов перенести еще столько же. На нем была красная шапка с меховой опушкой из тех, что французы зовут «mortier» за сходство ее формы со ступкой, перевернутой вверх дном. На лице его ясно выражалось желание вызвать в каждом встречном чувство боязливой почтения и страха. Очень выразительное, нервное лицо его с крупными и резкими чертами, загоревшее под лучами тропического солнца до негритянской черноты, в спокойные минуты казалось как бы задремавшим после взрыва бурных страстей, но надувшиеся жилы на лбу и подергивание верхней губы показывали, что буря каждую минуту может снова разразиться. Во взгляде его смелых, темных, пронизательных глаз можно было прочесть целую историю об испытанных и преодоленных опасностях. У него был такой вид, точно ему приходилось усмирять свои желания — только для того, чтобы смести противника с дороги, проявив свою волю и мужество. Глубокий шрам над бровями придавал еще большую суровость его лицу и злое выражение одному глазу, который был слегка задет тем же ударом и немного косил.

Этот всадник, так же как и его спутник, был одет в длинный монашеский плащ, но красный цвет этого плаща показывал, что всадник не принадлежит ни к одному из четырех главных монашеских орденов. На правом плече был нашит белый суконный крест особой формы. Под плащом виднелась несовместимая с монашеским саном кольчуга с рукавами и перчатками из мелких металлических колец; она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фуфайки, связанные

из мягкой шерсти. Насколько позволяли видеть складки плаща, его бедра защищала такая же кольчуга; колени были покрыты тонкими стальными пластинками, а икры — металлическими кольчужными чулками. За пояс был заткнут большой обоюдоострый кинжал — единственное бывшее при нем оружие.

Ехал он верхом на крепкой дорожной лошади, очевидно для того, чтобы поберечь силы своего благородного боевого коня, которого один из оруженосцев вел позади. На коне было полное боевое обмундирование; с одной стороны седла висел короткий бердыш с богатой дамасской насечкой, с другой — украшенный перьями шлем хозяина, его колпак из кольчуги и длинный обоюдоострый меч. Другой оруженосец вез, подняв вверх, копьё своего хозяина; на острие копья развевался небольшой флаг с изображением такого же креста, какой был нашит на плаще. Тот же оруженосец держал небольшой треугольный щит, широкий сверху, чтобы прикрывать всю грудь, а книзу заостренный. Щит был в чехле из красного сукна, поэтому нельзя было увидеть начертанный на нем девиз.

Вслед за этими двумя оруженосцами ехали еще двое слуг; темные лица, белые тюрбаны и особый покрой одежды отличали в них уроженцев Востока. Вообще в наружности этого воина и его свиты было что-то дикое и чужеземное. Одежда его оруженосцев блистала роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шеях и браслеты на полуобнаженных смуглых руках и ногах. Их одежда из шелка, расшитая узорами, указывала на знатность и богатство их господина и составляла в то же время резкий контраст с простотой его собственной военной одежды. Они были вооружены кривыми саблями с золотой насечкой на рукоятках и ножнах и турецкими кинжалами еще более тонкой работы. У каждого торчал при седле пучок дротиков фута четыре длиной, с острыми стальными наконечниками. Этот род оружия был в большом употреблении у сарацин и поныне еще находит себе применение в военной игре, любимой

восточными народами и называемой «эль-джерид». Лошади, на которых ехали слуги, были арабской породы; поджарые, легкие, с упругим шагом, тонкогривые, они ничем не напоминали тех тяжелых и крупных жеребцов, которых разводили в Нормандии и Фландрии для воинов в полном боевом вооружении. Рядом с этими громадными животными арабские лошади казались изящной, легкой тенью.

Необычный вид этой кавалькады возбудил любопытство не только Вамбы, но и его менее легкомысленного товарища. В монахе он тотчас узнал приора аббатства Жорво, известного по всей округе как большого любителя охоты, веселых пирушек, а также, если верить молве, и других мирских утех, еще менее совместимых с монашескими обетами.

Но в те времена не слишком строго относились к поведению монахов и священников, так что приор Эймер пользовался доброй славой среди соседей своего аббатства. Его веселый и вольный нрав и постоянная готовность даровать отпущение мелких прегрешений делали его любимцем всех местных дворян, титулованных и нетитулованных, со многими из которых он был в родстве, так как принадлежал к именитой норманнской фамилии. Дамы в особенности были расположены относиться без излишней суровости к поведению человека, который не только являлся неизменным поклонником прекрасного пола, но и отличался умением прогонять смертельную скуку, слишком часто одолевавшую их в старинных покоях феодальных замков. Настоятель с азартом увлекался охотой, у него были лучшие соколы и борзые во всей северной округе — этим видом спорта он завоевал симпатии дворянской молодежи; с людьми почтенного возраста он разыгрывал другую роль, что отлично ему удавалось, когда это было нужно. Его поверхностная начитанность была достаточно обширна, чтобы внушать окружающим невеждам почтение к его учености, а важная осанка и возвышенные рассуждения об авторитете церкви и духовенства поддерживали мнение о его святости. Даже простой народ, который

Содержание

Вальтер Скотт и великие читатели. С. Чумаков	5
Айвенго. Перевод Е. Бекетовой	13
Ламмермурская невеста. Перевод В. Тимирязева	571
Комментарии А. Бельского, М. Шерешевской, М. Рабиновича, П. Топер	936

Літературно-художнє видання

СКОТТ Вальтер
Зібрання творів в одній книзі
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Міщенко*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 02.08.2017. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 50,4.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

СКОТТ Вальтер
Собрание сочинений в одной книге

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 02.08.2017. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 50,4.
Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Скотт В.

С44 Собрание сочинений в одной книге / Вальтер Скотт ; пер. с англ. Е. Бекетовой, В. Тимирязева ; вступ. ст. С. Чумакова ; коммент. А. Бельского, М. Шерешевской, М. Рабинович, П. Топера. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 960 с.

ISBN 978-617-12-3892-3

УДК 821.111(411)
ББК 84(4Вел)